

Когда история с Вэй Чжуном наконец благополучно завершилась, Ши Фэй засыпал Лун Юя бесконечными жалобами. Он ходил кругами, твердя одно и то же, пока Лун Юй окончательно не потерял терпение. В конце концов Я И просто взял чиновника за шиворот и вышвырнул вон. Ши Фэй долго сидел на земле, приходя в себя и недоумевая, как этот хрупкий на вид господин ухитряется обладать такой недюжинной силой.

Весь день выдался на редкость тягостным. Воздух застыл, сделавшись плотным и липким. Лун Юй чувствовал себя не в своей тарелке — эта духота словно просачивалась изнутри, а не шла снаружи. Смертным, быть может, было чуть легче, но Лун Юя эта тяжесть душила. Следом за ним занемогла и малютка Туань-эр; лишь Цзи Лянь, казалось, не замечал перемен.

— Циньцин, пора вставать, — мягко уговаривал Я И.

Он подхватил супруга вместе с одеялом и усадил к себе на колени.

— Я, мне так душно... — Лун Юй обвил руками его шею и прижался щекой к плечу.

— В это время года потоки энергии нестабильны, тебе сейчас тяжелее всего, — Я И с состраданием коснулся губами его лба.

Лун Юй покачал головой.

— Всё не так просто.

— Хм? — Я И замер, собираясь что-то сказать, но Лун Юй снова потерся лицом о его щеку, прерывая вопрос.

— Ступай-ка ты в Царство Демонов к Фэн Цзюэ. Попроси у него для меня Нефритово-белую снежную грушу. Сделаешь это?

Он спрашивал, хотя оба заранее знали ответ.

— Хорошо. Я обернусь в мгновение ока, жди меня. — Я И запечатлел поцелуй на его щеке, наполнил чашку чаем из Источника возвращивания и вложил в руки супруга: — Выпей, станет легче.

С этими словами он немедленно отправился в путь.

Несмотря на слабость, Лун Юй не остался в постели. Как только Я И ушел, он поднялся, прошел в соседнюю комнату и вынес оттуда вялую Туань-эр, передав её на руки Цзи Ляню.

Тот бросил на хозяина меланхоличный взгляд.

— Господин, вы не боитесь, что ваша дочь прикончит меня?

— А ты боишься? — парировал Лун Юй.

Не дожидаясь ответа, он уложил Туань-эр на кушетку и коснулся пальцем её межбровья. Тускло-синий огонек скользнул в плоть девочки, и той явно стало легче — она закрыла глаза и погрузилась в глубокий, спокойный сон.

Оставшись довольным, Лун Юй вышел из комнаты, заботливо прикрыл дверь и направился к себе. В этот самый миг воздух за его спиной яростно всколыхнулся. Чья-то ладонь с растопыренными пальцами метнулась к его шее, намереваясь схватить мертвой хваткой.

Хлоп!

Черный веер преградил путь руке, применив технику «четыре лана отклоняют тысячу цзиней». Лун Юй развернулся. Резким движением он раскрыл веер, прикрывая лицо, и посмотрел с нескрываемым презрением.

— Еще издали почуял твою вонь, — он ледяным взглядом смерил незваного гостя. — Что забыл в мире людей выходец из Мира духов?

Пришелец был одного роста с Лун Юем. Длинные волосы отливали бледным золотом, глаза сияли янтарным блеском. Облаченный в белоснежные одежды, он казался почти прозрачным — его кожа белизной напоминала болезненную бледность смертного, в отличие от живого, нефритового сияния Лун Юя. Однако именно такая красота — холодная, высокомерная, подобная цветку на заснеженной вершине — более всего почиталась в Мирах духов.

— Если уж полукровка-асура смеет разгуливать среди смертных, то почему Королю духов это запрещено? — отозвался Ди Цзююнь. — Признаться, я изрядно потрудился, разыскивая Супруга Подземного мира.

Трижды он оставался ни с чем, и Лун Юй стал первым, кому удалось водить его за нос столько времени. Сначала он отправился в Подземный мир, но Лун Юй уже убыл к смертным. Среди тысяч миров Ди Цзююнь отыскал нужный, но по прибытии обнаружил, что цель снова ускользнула. И так трижды.

Ди Цзююнь чувствовал себя одураченным и поклялся сбить спесь с этого выскочки. На что способен какой-то полу-асура? Даже если он прикончит Лун Юя, Король Подземного мира, учитывая их давние связи, не станет поднимать шум. В крайнем случае — возместит потерю чем-нибудь равноценным.

Заметив его жажду убийства, Лун Юй лишь внутренне усмехнулся. Он демонически улыбнулся.

— Слыхал я, королева Мира духов почила много лет назад. Неужто Король духов так истосковался по ласке, что ищет утех на стороне? — его голос сочился ядовитой насмешкой.

— Дерзость! — рявкнул Ди Цзююнь. — Бесстыдное отродие! Таким, как ты, не место в подлунном мире!

— Ха-ха! — Лун Юй рассмеялся, не скрывая веера. — Любовь и плотская страсть — вещи самые естественные. Почему же в устах духов они звучат как проклятие? Или ваш род более не нуждается в продолжении?

— Замолкни! Рождение потомства — акт священный, не смей равнять его со своей грязью! — Ди Цзююнь пришел в ярость. Поистине, ни один асура — будь он чистокровным или наполовину — не стоит доброго слова.

— Грязь? — Лун Юй посмотрел на него с ледяной усмешкой. — Если это грязь, то и Король духов явился в мир столь же «грязным» способом. У духов нет силы плодиться без соития, так что, если я грязен, то и весь ваш род погряз в нечистотах. Духи... вы все одинаковы. Лицемеры до мозга костей.

— Молчать! — Ди Цзююнь взмахнул рукой, и в его ладони возник длинный мертвенно-белый кнут, усеянный шипами. Он с присвистом обрушился на Лун Юя.

Тот лишь слегка повел плечом, и кнут, словно наткнувшись на невидимый щит, отлетел в сторону.

— Король духов знает, что я — Супруг Подземного мира, и всё равно решается поднять руку? — Лун Юй нахмурился. — Ты и впрямь вознамерился меня убить?

— И что с того, если убью! — Ди Цзююнь, привыкший терпеть обиды от асур, сорвался — наконец-то перед ним был кто-то слабый, на ком можно выместить злобу.

— Убьешь меня? И как же ты собираешься оправдываться перед моим Королем? — Лун Юй оставался невозмутим, лишь взгляд его становился всё холоднее.

Ди Цзююнь щелкнул пальцами. Пространство исказилось, и перед Лун Юем возник кусок чисто-белой древесины. На глазах он начал расти, вытягиваться и принимать человеческие очертания. Когда превращение завершилось, перед ними стояла точная копия Лун Юя — то же лицо, та же стать.

— Вот так и оправдаюсь, — безразлично бросил Ди Цзююнь.

Он дунул на марионетку, и та открыла глаза. Но взгляд её был пуст — в этом деревянном истукане, вырезанном из Белого чистого водяного ореха, не было ни капли жизни.

— Ди Цзююнь, твоя самонадеянность не знает границ. Мы с Я женаты десять тысяч лет. Неужели ты думаешь, он не узнает подмены? Ты хочешь подсунуть ему куклу... Посмотри на это творение из Белого чистого водяного ореха — оно ни капли на меня не похоже.

Лун Юй помрачнел.

— Я не настолько дешев.

— Достаточно одной капли твоей крови, и марионетка оживет! Она будет выглядеть как ты и — что важнее — будет беспрекословно мне подчиняться! — Ди Цзююнь снова взмахнул кнутом.

Лун Юй перехватил удар веером. Резкий поворот, удар по древку — и кнут, будто растерзанный невидимым зверем, рассыпался в прах.

— Это всё равно буду не я. И чтобы я кому-то подчинялся? Твои шутки становятся совсем несмешными.

— Сейчас проверим! — Король духов отбросил обломки и ринулся вперед, пытаясь сомкнуть пальцы на горле противника. — Когда ты сдохнешь, марионетка займет твое место!

— Ты уверен?

Лун Юй даже не шелохнулся. Ди Цзююнь сжал ладонь на его шее, усиливая давление. Он ждал мольбы, ждал ужаса, но улыбка Лун Юя заставила его сердце пропустить удар. Он, Король духов, вложил в этот захват всю свою мощь — кто бы выдержал такое?

Но Лун Юй смотрел на него с откровенным издевательством. Ди Цзююнь перестал понимать, держит ли он вообще кого-то в руках.

— Эй, — негромко позвал Лун Юй, вскинув глаза. — Ты хоть знаешь, кто моя мать?

Он не любил козырять именами предков, но перед такими твердолобыми стариками это было единственным весомым аргументом. Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Слышал имя Чжэнь Яо? Старшая дочь семьи Джонсон. Она пошла против воли матери и вышла за смертного. Пусть тот и был богом войны, для вас он оставался лишь человеком, который состарится и умрет. Все ждали позора, но первой ушла Чжэнь Яо. Знакомая история?

Ди Цзююнь не мог не знать этого имени. Но он лишь сильнее сжал пальцы:

— Ну и что! Чжэнь Яо мертва много лет, некому тебя спасти!

— Похоже, ты и впрямь ничего не понимаешь, — Лун Юй накрыл ладонью его запястье. — Имя моё — Лун Юй, в детстве звали Чжэньчжу. Отец мой — Лун Цзин, мать — Чжэнь Яо. Я был зачат в год, месяц и день Лошади, в самый зловещий час полдня. Но из яйца я вышел в год, месяц и день Крысы, в час глубокой полночи. Теперь ответь, кто я такой?

Рожденный в час великой тьмы и великого света. Тот, в ком ярость и удача сплелись воедино. За миллионы лет такие души рождались единицами, и еще реже они выживали. Те, кто уцелел, становились либо богами богатства, либо...

— Ты... Бог Убийства! — голос Ди Цзююня дрогнул. Он никогда не верил в легенду о том, что среди асур может явиться «Бог», превосходящий их королей.

И этот Бог сейчас стоял перед ним.

— А ты как думал? — Лун Юй улыбнулся — на этот раз жестоко и беспощадно.

Он сжал руку на запястье духа. Ди Цзююнь вскрикнул от пронзительной боли: его плоть начала стремительно разлагаться под воздействием хлынувшей из Лун Юя злой энергии. Король духов в ужасе отпрянул, стряхивая с себя миазмы смерти. Когда черная дымка рассеялась, его рука была окутана призрачным пламенем Подземного мира.

— Ты... Я И отдал тебе Огонь Подземного мира?! — духи веками жаждали завладеть этим пламенем, а Я И просто подарил его супругу?

— Я — Супруг Подземного мира, это моё по праву, — равнодушно бросил Лун Юй, раскрывая веер. — Но чтобы прикончить тебя, мне даже огонь не понадобится.

Он резко взмахнул веером. Волна чистой жажды убийства, способная разорвать само пространство, обрушилась на Ди Цзююня.

Король духов попытался уклониться, но его тело словно налилось свинцом. Удар пришелся по плечу. Брызнула кровь — у Короля духов она была особенной, густой и золотистой. Марионетка за его спиной разлетелась в щепки и мгновенно обратилась в пепел.

— Промахнулся? — Лун Юй весело прищурился. Он приставил веер к губам и мило склонил голову набок: — В следующий раз буду внимательнее.

Ди Цзююнь похолодел. Он чувствовал, как конечности немеют. Взглянув на раненое запястье,

он понял: черное клеймо не исчезло. Лун Юй с самого начала впрыснул силу Убийства в его меридианы, замедляя реакции. Теперь он мог играть с ним, как кошка с мышью, медленно истязая до самой смерти.

Поистине, асуры — самые мерзкие твари во вселенной!

Когда Лун Юй уже приготовился нанести второй удар, пространство позади Ди Цзююня разверзлось. Бледная, синюшная рука вынырнула из пустоты и затащила Короля духов в открывшийся портал. Лун Юй успел нанести удар в закрывающуюся «дверь», и на землю упала капля странной, синевато-зеленой крови.

Он сложил веер и задумчиво постучал им по щеке.

— Эти двое спелись? Становится всё интереснее. Видно, кто-то очень боится, что я заскучаю, раз добровольцы так и лезут под руку. Хех.

Он развернулся и ушел в дом, не удостоив взглядом пятна крови на крыльце.

Тяжелая духота в воздухе начала рассеиваться. Лун Юй сладко зевнул и решил прилечь, чтобы восполнить силы.

Вернувшийся Я И, увидев следы крови, на мгновение изменился в лице — он вспыхнул первобытной яростью. Но в комнату он вошел с привычной нежной улыбкой. Он положил Нефритово-белую снежную грушу на подушку Лун Юя и поцеловал его в щеку.

— Циньцин, пора домой. Здесь нам больше не место.

Лун Юй во сне лишь обхватил его за шею и прижался лицом к груди. Я И подхватил его на руки. В дверях уже ждали Туань-эр и Цзи Лянь, вернувший себе человеческий облик. Я И открыл портал, и вся семья исчезла в его сиянии.

Когда «дверь» захлопнулась, на столе сама собой возникла записка. Нефритово-белая снежная груша на подушке медленно растаяла, обратившись в чистую воду.

Спустя день Ши Фэй зашел навестить их, но нашел лишь пустой дом. На столе лежал листок бумаги.

«Дела семейные, заботы мирские, но сердца людские — не камень. Будь искренен, и обретешь преданность. Береги себя».

Он тяжело вздохнул и бережно сложил записку. Ши Фэй давно понимал: он и такие, как Лун Юй, никогда не будут идти одной дорогой. Может, так оно и лучше — для всех.

Ди Цзююнь открыл глаза в темной пещере. Плечо было перебинтовано, но кровь всё еще просачивалась сквозь ткань. Человек, стоявший к нему спиной, обернулся.

— Очнулся? Силу Убийства Лун Юя мне не излечить, так что ищи способ сам.

Незнакомец был облачен в кроваво-красные одежды, его сизо-серые волосы спадали до самой земли. Кожа отливала мертвенной синевой, а глаза были абсолютно белыми, без зрачков — словно зеркала, в которых ничего не отражалось. Его рука тоже была обмотана окровавленным бинтом.

— Сы Вэй, — Ди Цзююнь сразу узнал его и недовольно нахмурился. — Зачем ты меня спас?

Тот лишь жутковато улыбнулся:

— Враг моего врага — мой друг, не так ли?

Ди Цзююнь промолчал, лишь едва заметно повел бровью.

Да. Верно.

<http://bllate.org/book/17558/1714474>